

Мы горячо влюбились. Мы не могли надоесть. Были в нас туго натянуты все струны. И легко было прорваться с ними героические аккорды.

Упала пира, растрачена надежда, погасли огни. Приплыли зорьки разочарования и холодное уныние. Большие слова уже кажутся только словами. Ничего не достигают эти «слова». Глухие стали, разнотупили.

Какъ тогда особенности русскаго и немецкаго при-
дали особую яркость и силу впечатлѣннѣмъ отъ
Бранды, такъ теперь особенности же комеди-
та, они, эти впечатлѣннѣя, обесцвѣтѣли. Иная
среда. И потому по-прежнему предпочитаютъ лучш.

— Не тѣ мы стали!—сказать прежде всего
надо бы.

Ведь, актер не живет ни в каком-то безводном пространстве. Онь — плоть от плоти в кости от кости. Онь — славя страны своей и своего времени. Онь так же затерялся в интуитизме и сгибается под этим же разочарованием. Пускай онь «чуждый художник». Но от — жив — человек. Может быть, онь и сам того же зачатка, но его вдохновение внутренне, в большей для мненья мёрт, питается общественными настроениями.

Слова и интонации отстранялись. Но и эти впечатления — только предвкушение какой-то гримасы на губах. Это — нахоженное сверху, как топадькой своей кулак. Это — точно выжидание о приближении сильных переживаниях. волнениях, выплесках. Это — выжиный их убой.

И еще. Тогда, на первую постановку, захватывающий восторг, артисты не разделяли. Пьесное построение не позволяло быть холодным комментатором, доискиваться до смысла каждой фразы и высказывать его. Теперь в Казанову играет умнее, чем тогда. Его комментарий богаче. По крайней мере, в отдельных местах ролы.

Лишь въ одномъ моментѣ внятно заговорила душа, зазвучало въ пѣвучемъ голосѣ сильное,

Гораздо меньше впечатлений исполнение г-ж Германовой. В начале и концах, где и Аллис говорит «милые сыночки», г-жа Германова становится тяжелой. Не было слыта из ее голоса. Раньше это выходило лучше, ближе к нужной живизне тоскности.

Есть у Агнессе еще замечательная сцена, в которой можно и глубоко разстроиться, и потратить когда придется «ей, что пришел маленький Альф». В эту сцену интерпретатора не сумела вложить чувств. И это прошло незамеченным, не одало ничего болеть.

«Брандъ» прошелъ въ Художественномъ театрѣ свыше полутораго разъ. Принимъсь даже

перенесыва деградации, так, как описались за это громадное число спектаклей. Но за это же множество спектаклей, как это ни странно, аплодисменты не окрыля, а разлагали. Массовые сцены казались сдвиганными точно на-спех, на пьесной стройности, единности, законченности, к которым мы так привыкли в Художественном театре.

Очень не замечать шведский корреспондент, и потому что он был в Художественном театре впервые. Но это не могли не замечать настоящие зрители и поклонники театра.

Старый друг.

Вранье, право.

„Брандъ“.

Притом что часто слышать отечественных артистов на то, что пресса говорит только по поводу первой постановки каждой пьесы, когда многое еще не получило окончательной формы, и впоследствии не изменил ее роли. В этот много правды, и в ней надо прибавить еще другую правду: в сами рецензии после первого представления нередко милое незастойно материала или суждения, — иногда есть множество прилежаний, выводов, и многое хочется проверить, снова посмотреть пьесу.

О таком же большом во всех отношениях явлении, как постановка „Бранда“, особенно есть что сказать, да и здесь, при возобновлении для первого абонента, пьеса в не совсем прежней постановке.

Приме того, когда смотришь „Бранда“, — трудно спорить за самое произведение: оно настолько данно, что, даже и вымышленная почти половина, притом что почти все остальное около часа ночи, и оно настолько крупно, что без боязливости смотреть этой пьесы, что бы было, что поступают приходило, главным образом, философской сущностью пьесы, тем, что задерживать сценическое действие.

Вымирая на сцене в ярости, „Бранд“ так лишний в смысле философской поэмы, что просто обидно. Порой даже кажется, что эту пьесу надо играть два вечера под ряд, как это делается в Ортенге.

Но и то, что не ампутировано, на сцене порою теряет из своей внутренней сущности. Например, последние картины: насколько она возмужала с внутренней стороны, настолько слаба с внешней. Вроде утесов, по которым, словно бесчисленные они плыть

душевными сложная буря, — прелестны. Когда оть издается утесов все темноты, чувствую прилившие мистические утесы, но постепенно розового спора, поднимая их, раздвигая эти противоречия, которые были из дупль Бранда, переросшая самого Бранда, потворного отъезда, — ничего этого не совершено. Просто среди сцены, при взгляде на которые голова кружится, стоит прекрасный образ страдающего Бранда, и этот Бранд глубоко страдать. Но в чем заключается сущность этого глубокого страдания, — не ясно. Новелла прелесть немая; — выветрен Герт, — из прелестных и ничуть дух счастливой чуждыности.

незначительное напряжение и прелесть, — подает ласка глубокой ласкательности божьей.

Но за шумным дождем.

Но при этом и подлинно.

И расушай не могу так рывей, — как гертгерит из „Сильной и слабой бароны“.

А счаст хора в воде некая разобрат, и голоса с моим и совершенно не слышал.

А вы неужто до последней степени, может быть не только для этой пьесы, но и для понимания многих и многих бесчисленных пьес с тем же тематикой: все для ничего.

Теперь о сцене пьесы. Искусство сценической постановки заключается в умении соединить простоту и выразительность с ритмом; не скандировать, но и не опускаться, и потому что иначе в оттоку пьесы не стоит. В Художественном театре ритм на чувствуют счаст, и в этом случае в прелесть бы просто произведений прелесть, больше бы и не было.

Из декоративных нежелать отбросить идею декорации второй актин; она не обременяет с авторской режиссурой, но она позволяет вбросить в отброс не жалеть. Очень жаль, что декорация первой сцены теперь не вразумлена и потому не создает прежней иллюзии.

Исполнение получило теперь большую замечательность. Необыкновенно отчетливо выступают исполнения у г. Качалова, необыкновенно художественна вся его фигура. Я бы не выставлял теперь его декорации — то слово о том, что его Бранд машина и нежная; из недостатков исполнения в отброс актин, и порою довольно грубо, в который недостаток подает его роль дею в божьей сцены Герт. Тут нужно не крик, а действие, больше тихая, больше нежная. Кажется мне также, что у г. Качалова

в этот вечер не было настоящего завета, и его призывало рождать темноту, но это в такой темноте, что вряд ли было заметно большинству.

Лучше, разве, в более приятных темноте видеть роль Актера г-на Германова.

Мне мне не хочется назвать, то г. Думкин играл разве Фоты больше живительным, упитанным, — и благодушным. Если мне не ошибаюсь моей памяти, то мне этот первый образ приятен больше.

И тогда, и теперь есть мать Бранда. В исполнении художественности этой пьесы есть больше и больше умения фигуры, но одна только фигура матери является самым художественным, модернистическим. Величайшая Сура в „Анатомии“, г-на Бутова роль матери Бранда должна считаться одной из самых неудачных сцен ролей.

Как прежде, очень хороша г-на Халитина — Герт. Новый исполнитель Зинара, г. Герет, не дал мне — раз то, что так можно было видеть от этого артиста: великий ярости и внутренней непохожей живительности. Последняя так была необходима, что переросшего Зинара на сцене встать, и не жалко только одну сторону его характера.

Вот, кажется, и все, относящееся к пьесе, и два слова по адресу зрительного зала:

Китай от толстого публики — зрители первого абонента! Принимая из благородности абонемент, — даюте начало художественного „влияния“ в театре, — но публика решает: не выходит лишний, что же и буду ампутировать? И счастливо пройдет без хлопот, счастливо пройдет для мучител. И вымолит. Ах, как много вымолит! А многие не пришли: ведь, они вышли одними „Бранда“. И даже не вернулись былого, так что немая ибета пустошало.

СЕРГЕЙ ЯБЛОНОВСКИЙ.